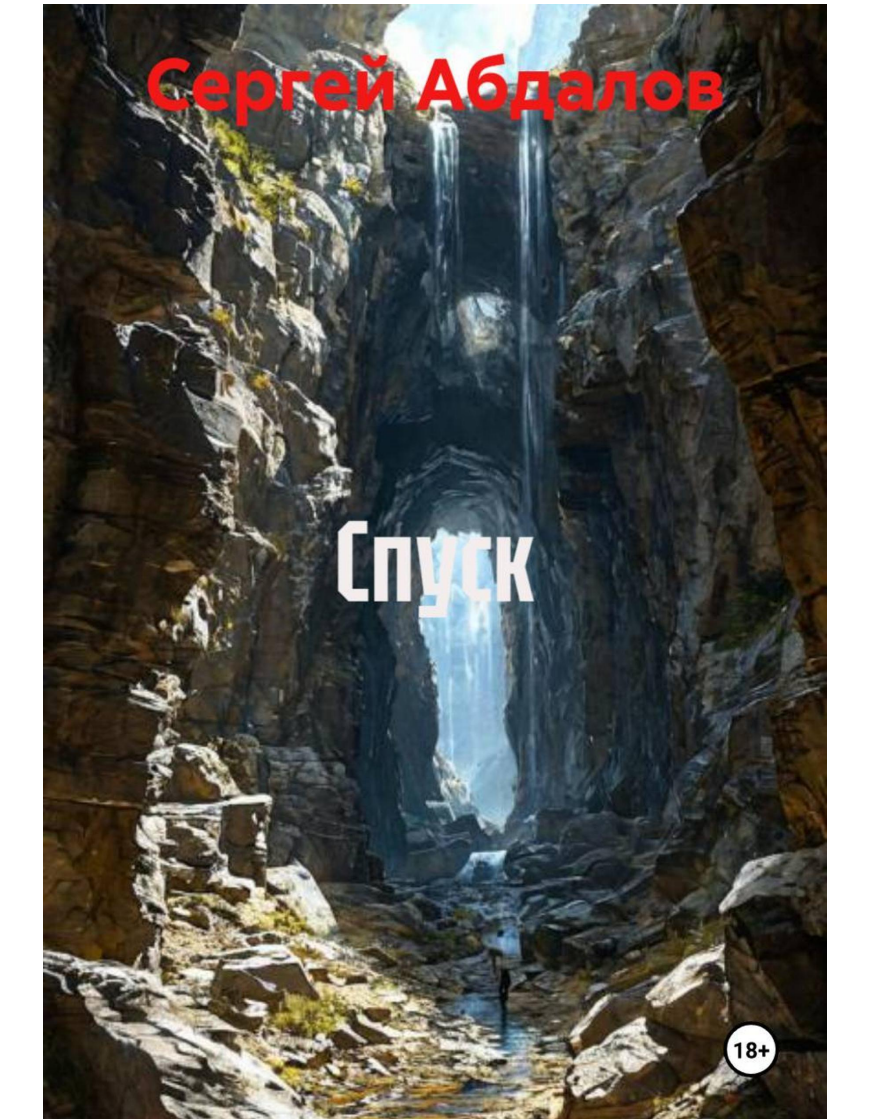

The background is a detailed digital illustration of a massive, rugged canyon. A tall, narrow waterfall cascades down the center of the canyon walls. At the base of the canyon, a dark, arched cave opening is visible, with bright light streaming out from within. The canyon floor is covered in rocks and a small stream. The overall tone is adventurous and mysterious.

Сергей Абдалов

Спуск

18+

Сергей Абдалов

Спуск

<https://litres.ru/73990511>

SelfPub; 2026

Аннотация

Выпускник Алексей возвращается в родную деревню, где его ждут лишь горе и безумие. После смерти деда родители уезжают на похороны, оставляя его с младшим братом Андреем. В попытке отвлечься от утраты, Алексей решает повторить жуткий ритуал их погибшего друга Олега, чтобы вызвать легендарную Барышню-кровопийцу со дна пруда. Но древнее зло реально. Ритуал срабатывает, и Андрей становится жертвой чудовища из колодца. Охваченный ужасом и отчаянием, Алексей вынужден спуститься в адское подземелье вслед за чернокнижником по имени Охотник, чтобы столкнуться лицом к лицу с первородным кошмаром и узнать страшную правду о гибели своей семьи.

Содержание

Спуск

4

Конец ознакомительного фрагмента.

27

Спуск

Спуск

В каждой школьной стае есть свой рассказчик. Тот, кто питается чужим страхом, смакуя его, как гнилое мясо. Он — кукловод в театре теней, и его сцена — промозглый чердак или душная комната с наглухо задёрнутыми шторами. Там, где воздух пропитан запахом пыли и подросткового пота, он собирает свою паству. Его инструмент — не скрипка, а резкий луч фонарика, вспарывающий крошечную тьму и выхватывающий из неё бледное, искажённое предвкушением лицо рассказчика. Он ждёт этого момента, чтобы увидеть, как ужас стирает румянец со щёк слушателя, превращая живого человека в восковую куклу. Особенно ценен для него хор коротких, пронзительных визгов, который исторгают две-три девочки — самый сладкий десерт к основному блюду паники.

В нашей компании этим демоном был Олег. До шестого класса — безликая тень на задней парте, серый человечек, которого никто не замечал. А потом что-то надломилось. Что-то тёмное проснулось внутри него и завладело его языком. С тех пор ни одна наша встреча, ни одна пьянка под де-

шёвым портвейном не обходились без его ритуала. Он гипнотизировал нас историями о том, как земля на деревенском кладбище начинает шевелиться изнутри, выдавливая наружу осклизлые пальцы оживших покойников, или о скрежете когтей по крыше — звуке, с которым кикимора на чердаке ищет лазейку в тепло человеческого жилья.

И это действительно поражало. В этом было нечто противоестественное, почти болезненное. У Олега не существовало заезженных сюжетов. Каждый раз он доставал из своего чёрного мешка новую голову Медузы Горгоны. И каждая новая байка была не просто страшной — она была чуточку безумнее предыдущей, оставляя после себя ядовитый привкус сомнения: а вдруг всё это правда?

Мы, наивные глупцы, пророчили ему блестящее будущее. Видели его королём кинематографа, мастером экранного ужаса, или же тёмным властелином просторов интернета, чьи крипипасты заставляли бы миллионы пользователей спать при свете. Но у жизни оказались иные планы — куда более изощрённые и жестокие.

Олег начал исчезать. Сначала он просто пропускал встречи, но затем пропасть между нами стала непреодолимой. Он вернулся к нам уже другим существом, сбросив старую кожу, как змея. Яркие шмотки сменились трауром: вечный чёрный цвет, в который он выкрасил не только волосы, но, каза-

лось, и саму свою душу. Его тело превратилось в гротескный холст, покрытый странными татуировками с символами, от одного вида которых начинало резать глаза, словно они были начертаны не иглой, а осколком обсидиана. Пальцы, некогда ловко управлявшиеся с фонариком, теперь унизывали тяжёлые перстни, каждый из которых выглядел так, будто был снят с мертвеца.

А потом мы потеряли его окончательно. Окликнув однажды по имени, мы наткнулись лишь на брезгливую гримасу. «Называйте меня Вороном», — прошипел он, и это имя упало между нами, как надгробная плита. Наш балагур, наш сказочник умер. Осталась лишь эта худая, злая тень.

Поначалу мы пытались найти оправдание этой метаморфозе. Мы списывали всё на горе, чёрной смолой растёкшееся по их семье. Оно началось с Лидочки, младшей сестры Олега, которая просто... исчезла. Словно её никогда и не было. А завершилось тем, что мать нашего друга, сломленная потерей дочери, нашла свой конец в ледяных объятиях февраля. Она замёрзла насмерть в подворотне, захлебнувшись дешёвым спиртом и собственным воем, оставив сына один на один с пустотой, которую уже нельзя было заполнить никакими страшными историями. Отец Олега, дядя Витя, формально был ещё жив. Но то, что осталось от некогда крепкого мужика, бродило по деревне бессмысленным призраком.

Жизненные жернова перемололи его рассудок в пыль, превратив в местного юродивого — человека, который разговаривает с ветром и пугает детей бессвязным бормотанием о вещах, которые лучше не слышать.

Сам же Олег, забрав документы из училища, просто растворился в воздухе. Он пропал. На долгих три года мы жили с этим знанием, с фантомной болью от потери того, кто так долго пугал нас понарошку. А потом мы потеряли его по-настоящему. Сперва он исчез из нашей компании, а затем — стёрся из самой ткани нашей жизни. Вычеркнул себя навсегда.

Официальная версия исчезновения Олега гласила: несчастный случай, неосторожность пьяного парня и утопление. Но мы-то знали правду. Тот пруд всегда считался дурным местом. И Олег... он не утонул. Он вернулся домой. Вернулся туда, где под толщей ила и чёрной воды ждало нечто, о чём он рассказывал нам все эти годы. Нечто, что наконец нашло своего сказителя.

Говорят, что у этого пруда есть своя история, чёрная и тягучая, как донный ил. Более двух столетий назад в нашей деревне жила барыня, одержимая страхом увядания. Её любовник, Елисеев — человек, знавший половину чародеев империи, — нашептал ей страшный рецепт вечной молодости.

Так начался её пир. Она пила кровь молодых крестьян и крестьянок, высасывая из них жизнь до последней капли. За половину своей долгой жизни она свела в могилу больше сотни душ, чьи тела безмолвно гнили на дне глубокого рва. А когда запах разложения стал невыносим даже для неё, она приказала заполнить эту братскую могилу водой, превратив ров в пруд — идеальное зеркало для сокрытия чудовищных тайн. Но и это не конец истории. Любовник барыни, прежде чем сбросить очередную жертву в воду, вспарывал холодную плоть и зашивал внутрь свёртки с ворованным золотом, топя улики вместе со свидетелями.

Эта легенда казалась бы выдумкой, если бы не финал самой кровопийцы. Говорят, в ночь на Ивана Купала, когда граница между мирами истончается, все утопленники разом вышли из пруда. Безмолвной толпой они вошли в дом своей мучительницы, схватили визжащую старуху и утащили её туда, откуда нет возврата, — обратно в тёмную воду.

Поэтому, когда там же утонул Олег, деревенские бабушки лишь понимающе качали головами. Они не говорили об «утоплении». Их шёпот был другим: «Русалки парня утащили». И кто-то клялся, что видел всё своими глазами. Как только Ворон вошёл в воду прямо в одежде, словно готовясь ко сну, гладкая поверхность пруда забурлила. Не от ветра или течения, а от скрытого движения под ней. А потом...

несколько пар бледных, костлявых рук вырвались из глубины, намертво вцепились в его одежду и с нечеловеческой силой потянули вниз, в ледяной мрак, где золото и кости давно стали единым целым.

Конечно, пруд забирал жизни и раньше. За десятилетия его существования на дне нашли покой несколько утопленников. В мои школьные годы счёт перевалил за пять. Но то были понятные смерти: пьяная драка, судорога, неосторожность. Каждое тело, пусть и распухшее от воды, удавалось найти, вытащить на илистый берег и предать земле с подобающими почестями. Пропадали люди в лесу, бесследно исчезали на дороге в соседнее село — это было страшно, но никак не вязалось с тёмной водой пруда.

Тело Ворона так и не нашли. И теперь на местном кладбище стоит неприметный крест с фотографией улыбающегося русого парня. На табличке выбита лишь одна дата — день его рождения. Смерть без тела, погребение без праха. Идеальная пища для деревенских суеверий.

Слушая эти шепотки про русалок и водяных, я всегда вспоминал тот единственный ритуал, что он провёл при нас. Удивительный и до одури пугающий обряд, который навсегда отпечатался в памяти каждого из присутствующих.

Вместо очередной байки он привёл нас к этому самому пруду. Не говоря ни слова, Олег вошёл в воду по пояс. В руке он сжимал нож. Вместо того чтобы травить историю, он начал её творить. Раз за разом он произносил одно и то же четверостишие нараспев, хриплым, чужим голосом, орошая чёрную поверхность водоёма собственной кровью из надрезанной ладони.

И вода ответила. Сразу же вокруг него начало бурлить и вспениваться, словно на дно опустили гигантский кипятильник. И без того тёмная, она враз почернела до консистенции нефти. На поверхности поднялись волны — не океанские валы, но достаточно высокие, чтобы хлестать Олега по груди, пытаясь сбить его с ног. Из-за этой хаотичной ряби всем нам одновременно начало казаться, что сквозь толщу воды на нас смотрят сотни искажённых человеческих лиц — молчаливых свидетелей из братской могилы.

А наш друг... Он был в экстазе. Его глаза горели диким, нездоровым восхищением, а лицо озаряла маниакальная улыбка. Не сдерживая безумного восторга, он смеялся во весь голос, радостно крича в серое небо:

— Я сделал это! Теперь у меня получится!

Этот ритуал, словно заноза из гнилого дерева, навсегда остался в моей голове. Он дремал там долгие годы, но однажды, в самый неподходящий момент, память вскрыла ста-

рый нарыв. И тогда эта заноза загноилась, выпустив наружу яд той чудовищной легенды.

Воспоминание всплыло со дна злополучного пруда, как утопленник, и потянуло за собой всё самое тёмное. Оно подняло из ила не просто байки о старой барыне, а нечто куда более древнее и голодное — ту первобытную силу, которую Олег по глупости или злему умыслу пытался пробудить своей кровью. В тот миг я понял: его крик «Теперь у меня получится!» был не бредом сумасшедшего. Это была сделка. Он предложил себя в обмен на что-то, и пруд принял эту плату. А то, что он хотел получить... оно до сих пор ждёт там, под чёрной водой, вместе с остальными. Ждёт своего часа.

Диплом с отличием, красная обложка — всё это казалось таким важным там, в гулких коридорах университета. Я вернулся домой в начале июля, в деревню, предвкушая триумф. Впереди маячил переезд в город, поиск работы, и я отчаянно хотел перезагрузиться, надышаться чистым воздухом перед тем, как окунуться в бетонную серость. В моей голове уже сложилась идеальная картинка: я переступаю порог, демонстративно вытаскиваю из рюкзака свой трофей и купаюсь в лучах родительской гордости.

Но радость испарилась в тот же миг, стоило мне зайти

на кухню. Вместо праздничного стола меня встретила удушливая тишина и гнетущая атмосфера горя. Мать сидела в чёрном платке, её плечи беззвучно тряслись. Отец, хмурый, словно высеченный из камня, был одет в свой единственный серый костюм — похоронный наряд. Напротив понуро сидел младший брат Андрюха, закончивший шестой класс, и его рыжая голова казалась неестественно тяжёлой.

— Дедушка умер, — коротко произнёс отец, сметая со скатерти невидимые крошки. Это был дед по материнской линии. Мама тут же оторвала руки от лица и зарыдала, уткнувшись мне в плечо. Её тело содрогалось от беззвучных рыданий.

— Лёг спать... и всё, — продолжил отец бесцветным голосом. — Сегодня ночью бабушка позвонила. Мы сразу билеты взяли. Через три часа поезд. Вам с Андрюхой дома придётся остаться. Не предусмотрено всё... На обратную дорогу еле наскребли...

Я виновато посмотрел на брата.

— Я ж звонил тебе, — с горьким упрёком сказал Андрей, поднимая на меня раскрасневшиеся глаза. — А тебе телефон, видимо, только для игр купили.

Я вытащил смартфон из кармана джинсов. Экран предательски оставался мёртвым, извещая о севшей батарее. Я

стоял, сжимая в одной руке мёртвый кусок пластика, а в другой — бесполезный диплом, и чувствовал себя полным ничтожеством.

— Лошара, — прошипел брат, вставая из-за стола. Он прошёл мимо, чуть толкнув меня плечом, и скрылся в своей комнате.

— Ладно, — отец хлопнул себя ладонями по коленям, прерывая эту сцену унижения. — Присмотришь за братом. Дня через четыре вернёмся. Из дома ни ногой. По ночам не бродить... Поздравляем с получением диплома... Дед был бы доволен...

С братом мы молчали до самого вечера. Каждый был заперт в своём коконе из воспоминаний об Якове Андреевиче. Он был нашей скалой, непробиваемой стеной, тем самым выдуманном дедом из роликов, который готов порвать любого за своих внучат. Груз утраты давил невыносимо. К нему примешивалась распирающая изнутри обида от того, что мы не проводим деда в последний путь. Плакать хотелось обоим, но мужская гордость и детская злость мешали нам сделать первый шаг. Эта свинцовая тишина, что сдавливала нас, словно гидравлический пресс, нагнетала ощущение полнейшего, космического одиночества. Мы остались одни в пустом доме, наедине со своим горем и глухой, беззвёздной ночью за окном.

Я подсел к брату на диван. Несколько минут я молча наблюдал, как его космический корабль в игре раз за разом врежется в астероиды. Он не играл — он просто тарашился в экран, а его палец лениво водил по нему, отправляя судно на верную гибель. Он был где-то далеко, летал в облаках своего горя.

На часах было уже одиннадцать вечера. Родители отзвонились час назад, сухо сообщив, что поезд отошёл. Хотя я и не спал больше суток, усталость была какой-то звенящей, неестественной. Сна не было ни в одном глазу, лишь гулкая пустота в голове.

— Ты же знал Олега Никитина? — я приобнял брата, слегка прижимая его к себе.

— Тот, что утонул? — Андрей положил телефон экраном вниз. Он кивнул и посмотрел на меня. — Помню... Наша папка с мужиками, наверное, сутки в этот пруд ныряли, так и не нашли его. Дядя Володя до галлюцинаций донырялся. Неделю потом рассказывал, как сам лично слышал плач под водой. Будто не меньше десятка женщин одновременно рыдали...

Я почувствовал, как по спине пробежал холодок. Идея, родившаяся из тоски и желания отвлечься, начала обретать

плоть.

— А ты знаешь, что этот Олег колдуном был? — перейдя на заговорщический шёпот, я зачем-то оглянулся на тёмный дверной проём кухни.

— Нет, — так же шёпотом протянул Андрей, вытаращив на меня глаза. В них впервые за вечер зажёгся огонёк интереса. — Он же вроде как самый первый в их семье свихнулся после потери сестры. А потом и батя его умом тронулся, когда мать Олега померла...

— Не свихнулся он, — я сполз с дивана на пол, встав перед братом на колени, чтобы наши лица были на одном уровне. Я говорил быстро, лихорадочно. — Он пытался ведьму с нашего пруда вызвать. Правда, для чего — не знаю. Но точно помню, как это надо сделать. Хочешь попробовать?

Последнюю фразу я произнёс легко и буднично, словно только что заказал дорогую пиццу и теперь предлагаю её разделить. Это сработало. Андрей тоже сполз на пол, почти сев мне на ноги. Впервые за весь вечер взгляд его ожил. Карие глаза брата теперь смотрели прямо в мои, двигаясь так, будто он читал бегущую строку по телевизору.

— Ты правда можешь вызвать Барышню-кровопийцу? —

улыбка Андрея нервно дёрнулась, а рот, не желая закрываться, так и застыл в ожидании моего ответа.

Я чуть заметно кивнул, медленно перевёл взгляд на настенные часы и снова посмотрел на него. Был двенадцатый час ночи.

От нашего дома до пруда идти минут двадцать, если срезать путь через соседские огороды. Там лишь останется пройти мимо заброшенного колодца, от которого до водоёма уже рукой подать. Зная, что сделал Олег перед тем как прочесть своё незамысловатое заклинание, я не решился резать себе руку ножом — это было бы слишком похоже на правду. Однако, чтобы выглядеть перед братом искусным медиумом и придать нашему походу хоть толику достоверности, я прихватил с собой тонкую швейную иглу.

Чем ближе мы приближались к пруду, тем глубже погружались в густой, болотный запах застоявшейся воды, который, казалось, обволакивал лёгкие липкой плёнкой. Моё сердце трепетно билось где-то в горле, а ноги с каждым шагом тяжелели, словно увязая в невидимой трясине. Я возвращался туда, где воспоминания были тягостными и острыми, как битое стекло. В них наша компания ещё существо-

вала: здесь был Колька Сорокин с гитарой в руке; его сестра Аня, вечно недовольная ночными посиделками и присутствующая с нами только ради Борьки, школьного спортсмена-футболиста. В моей голове всё ещё звучал их смех, и посреди этого круга стоял высокий парень, размахивая руками. Это был Олег. Мой добрый и отзывчивый друг.

Отставая от меня на пару шагов, следом плёлся Андрей. По его беспокойному взгляду, дёрганию головы на каждый шорох и судорожно сжатым кулачкам я понимал, что малой впервые в жизни идёт по ночной деревне. Какое же у них сейчас скучное и безопасное детство.

До пруда оставалось не больше ста шагов, как вдруг я резко остановился, придерживая брата за плечо. Поднеся указательный палец к губам, я бесшумно опустился в высокую траву, таща за собой Андрея.

Испуганный взгляд мальчика блеснул в отблеске громадной луны, зависшей над прудом. Её расплывчатый, бледный свет разливался на середине водоёма, как пролитое в лужу молоко, высвечивая странную фигуру на берегу.

Кряхтя и ворча, с коромыслом на плечах от пруда к берегу шёл дядя Витя, отец погибшего Олега. Он тяжело снял с плеч плескающуюся ношу и начал поочерёдно выплёскивать

воду из здоровенных деревянных вёдер прямо на землю, под самые корни старой ивы. Выплеснув обе бадьи, он снова по-стариковски подёргал плечами, поправляя коромысло, и пошёл обратно к воде.

Бояться дядю Витю не стоило. Даже лишившись рассудка, он оставался безобиднее котёнка, не говоря уж о друзьях покойного сына, лица которых помнил по сей день.

— А вы чего здесь делаете?! — неожиданно раздался его скрипучий голос. Старик поставил вёдра на землю и замер на полусогнутых ногах, всматриваясь в темноту.

— Здравствуйте, дядь Вить, — я выпрямился, рывком поднимая брата за воротник джинсовой куртки. — Это я, Алексей. Друг Олега.

Борясь с темнотой, старик долго шурился, а затем, наконец узнав нас, расплылся в доброй, почти детской улыбке:

— Лёшенька! Ну как же, помню-помню. Ты на каникулы, или как?

— Да вот, вернулся... диплом уж получил. Вот отдохну малость, да работу надо искать, — мы подошли ближе, разглядывая деревянные бадьи, доверху наполненные позеленевшей, маслянистой водой.

— Да, — грустно вздохнул дядя Витя, — Олежек бы тоже уж учёбу закончил...

Между нами нависла та же неловкая, давящая пауза, какая была между мной и родителями, когда я узнал о смерти деда. Чтобы разорвать эту тишину, я кивнул на вёдра:

— Дядь Вить, а зачем вы воду носите? И на землю выливаете?

Ответ старика вернул меня в реальность, напомнив о его диагнозе, поставленном областными психиатрами. Он посмотрел на меня абсолютно ясным, осмысленным взглядом и тихо, доверительно произнёс:

— Так ведь они просят. Плачут там, на дне. Водички попить просят. Я им напиться приношу. А то ведь они сами вылезут. Нехорошо будет.

— Высушить его надобно, — стараясь говорить как можно тише, старик перешёл на хриплый, заговорщицкий шёпот. Он приблизил своё лицо к моему, обдав запахом сырой земли и старости. — Скоро им жить будет негде. Как лягушки сдохнут без воды. Вон они, ходят. Надышаться за ночь воздухом, а к утру в пруд сиганут, отсыпаться будут.

— Кто «они»? — голос брата чуть подрагивал, но в нём уже не было слёз, только жадное, болезненное любопытство.

— Утопленники, — коротко ответил чудака, кивая сухой, птичьей головой в сторону берега.

Находясь на значительном расстоянии от нас и почти растворившись в кромешной мгле, несколько силуэтов действительно маячили у самой кромки воды. Они напоминали тучных, обнажённых мужиков. В призрачном свете луны их тела имели мертвенно-бледный, синюшный окрас, из-за чего люди походили на ожившие восковые фигуры, забытые скульптором. Слепо вышагивая по траве, они толкались плечами и, будто путая друг друга с невидимым препятствием, разворачивались и шли в обратном направлении. Их грубые, протяжные мычания доносились до нас тихим, вибрирующим гулом. Всё это выглядело иррациональным, тревожным и до дрожи пугающим.

— Так это же рыбаки, — усмехнулся я, поймав себя на мысли, что в первую очередь пытаюсь успокоить самого себя. Мой собственный голос показался мне чужим и слишком громким в этой мёртвой тишине. — Ходят вот... раков ловят, наверное. Только выпили лишнего, обычное дело.

— Утопленники это, — упрямо настаивал старик, выливая остатки воды в траву. Его движения были механическими, лишёнными всякой усталости. — После того, как Олег Барышню-кровопийцу вызвал, чтоб убить её и сестру спа-

сти, подняла эта ведьма со дна стражников. Вот теперь ходят вдоль берега, хозяйку свою охраняют. Всё боятся, что сокровища её умыкнут, что глубоко в пруду таится. Мне Олег всё про это озеро рассказал, когда вернулся...

Я почувствовал, как Андрей испуганно вцепился в мою руку. Нужно было срочно избавляться от безумного свидетеля.

— А давайте я воду потаскаю, — решительно сказал я, понимая, что если дядя Витя продолжит свои бредни, брат окончательно уйдёт в себя от страха. — А вы домой идите. Устали небось?

— И то верно, — старик был явно рад предложению. Он с готовностью повесил на меня тяжёлое коромысло, от которого я чуть покачнулся. — Не меньше двадцати раз ещё сходить надо. Быстрее пруд высушим, скорее стражники подохнут. А тогда и до барышни доберёмся. А я к Олегу поспешу. Жаждался он меня, старого...

По сути, дядя Витя не был глубоким стариком: ровесник моего пятидесятилетнего отца. Однако случившееся горе и сумасшествие, лишившее его возможности ухаживать за собой, прибавляли ему как минимум лет пятнадцать. Он удалялся от нас хромой, шаркающей походкой, сгорбившись под тяжестью своего горя. От этой картины мне стало невы-

носимо жаль этого человека.

А ведь мы ни разу не пришли в гости к отцу своего друга. Ни разу не спросили, как идут его дела. А дядя Витя жил всё той же жизнью, даже не подозревая, что сошёл с ума. В его мире всё так же присутствовали мы, друзья Олега, и сам Олег, к которому сейчас спешил его отец, чтобы наконец воссоединиться навсегда.

Я провожал взглядом дядю Витю, пока он не отдалился от нас на приличное расстояние, превратившись в согнувшуюся, сломанную тень. Старик явно решил пройти к своему дому напрямик, через огород. Неуклюже он перелез через изгородь, едва не упав в пышные кусты картофеля. И пока он, размахивая руками, поднимался с колен, я увидел другой силуэт. Этот человек стоял неподвижно, аккуратно под жёлтым светом уличного плафона на соседнем участке, словно специально подставляя себя под наблюдение.

Всего на пару секунд мой взгляд замер, пытаясь разглядеть в человеке его внешность. Но перед тем, как дядя Витя неуклюже закрыл собой весь обзор, я успел рассмотреть лишь спутанные длинные волосы, небрежно спадающие на половину лица, и чёрную рокерскую куртку-косуху, надетую прямо на голый торс.

Человек не просто стоял — он ждал. И когда старик до-

шёл до круга света от фонаря, незнакомец сделал плавный, почти хозяйский жест: опустил руку дяде Вите на плечо и чуть подтолкнул его вперёд, заводя во двор с такой лёгкостью, словно вёл ребёнка домой. Пропустив старика внутрь, высокий мужчина на мгновение задержался в дверном проёме. Он обернулся, и его взгляд, казалось, безошибочно нашёл нас в темноте у пруда. Это был не случайный взгляд; это было осознанное изучение. А затем он так же спешно зашёл следом за дядей Витей, и калитка со скрипом закрылась, отрезав свет и оставив нас в полной черноте.

Мысли в моей голове замесались испуганными птицами. Кто это? Что он делает в доме сумасшедшего старика? Вопросы были острыми и холодными, но я силой воли загнал их поглубже. Сейчас было не время для чужих тайн. У меня была своя.

— Пошли, Андрей, — прошептал я, подталкивая брата локтем. — Нам нужно закончить то, зачем мы пришли.

Я перехватил коромысло поудобнее. Тяжесть деревянных вёдер, наполненных гнилой водой, давила на плечи, создавая странное ощущение причастности к какому-то древнему, безумному ритуалу. Мы двинулись дальше, оставляя позади дом дяди Вити и ту тревожную встречу. До пруда оставалось совсем немного.

Я снял обувь и по колено закатал брюки, прежде чем войти в воду. Ноги приятно обволок тёплый песок, погрузив стопы по щиколотку. В нос ударил густой, удушливый запах прокисшего молока и тины. Гниющая ряска поднялась на поверхность, превратив треть пруда в сплошной зелёный, склизкий ковёр. Андрей остался на берегу, усевшись на влажную траву в позе лотоса, его силуэт казался хрупким и одиноким.

Конечно, я мог бы симитировать весь ритуал. Мог не протыкать иглой палец, вспоминая, как же это больно делают медсёстры в поликлинике. Мог просто пошлёпать губами какую-нибудь белиберду вместо заклинания. Но я захотел воссоздать тот день по мелочам, когда Олег заставил мёртвую воду кипеть. Мыслями я хотел вернуться туда, к нашей компании, к нашему весельчаку. Я ничего не ждал от этого, кроме тупой боли в пальце.

Выдавливая из пальца крупную каплю крови, я слегка потряхнул рукой, роняя её в тёмное зеркало воды:

— Расступись, вода, да открой врата! Хочу в гости зайти, ночь в тебе провести!

С последним словом на середине пруда булькнуло. Ан-

дрей резко поднялся с травы, а я попятился назад. Вода вокруг моих ног забурлила, окружая меня поднимающимися со дна пузырями. Уже через минуту вся поверхность водоёма покрылась огромными, зелено-гнойными волдырями. Один больше другого, они разрастались до размеров воздушного шара и смачно лопались, выстреливая в воздух струи бордовой, гнилостной жижи.

Я развернулся к берегу, готовый бежать сломя голову, но тут мою лодыжку ухватила чья-то ледяная, склизкая рука с чудовищно раздувшимися пальцами. Прочитав панику на моём лице, Андрей ринулся к воде, протягивая руку. Наши пальцы лишь успели коснуться друг друга, когда подымавшаяся волна мощным толчком отбросила меня назад.

Я скрылся под водой, едва успев затаить дыхание. В голове промелькнула одна-единственная мысль: «Не может быть!» — прежде чем мои глаза увидели то, что по-настоящему скрывал в себе пруд. Водоём кишел утопленниками, как трухлявый пенёк червями. Мраморно-бледные, в прогнившей одежде, превратившейся за долгие годы в лохмотья, обвешанные пиявками и ракушками, они всплывали один за другим. Дно под ногами вдруг исчезло, и я оказался в невесомости. Это был уже не тот пруд, который можно было перейти вброд. Утопленники непрерывно появлялись из темноты, словно вылезали из бездонной подводной пещеры, и

пруд превратился в океан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.